

Полуденное солнце заливало выставочный зал ярким светом, когда Вэнь Цинлинь, стоя перед длинным столом, подводил итоги своей лекции:

— На этом наш вводный семинар по традиционному пейзажу шаньшуй окончен. Благодарю всех за внимание.

Под оглушительные аплодисменты он взял со стола чашку белого фарфора и сделал глоток, чтобы промочить пересохшее горло. Полтора часа непрерывного монолога давали о себе знать — в горле буквально першило от сухости.

Пробивавшиеся сквозь окна лучи мягко окутывали его фигуру. Свет играл на кончиках длинных, чуть опущенных ресниц, очерчивал изящную линию переносицы и скользил по тонким пальцам. Кожа его рук казалась еще белее и благороднее, чем фарфор чашки, которую он держал. На бледных губах, влажных после чая, мерцал легкий отблеск. Солнце золотило изгиб его тонкой, почти прозрачной шеи, и в этом теплом сиянии, на фоне комнатных бамбуковых зарослей, Вэнь Цинлинь сам казался сошедшим со старинного свитка.

Хотя встреча подошла к концу, слушатели, сидевшие за длинным столом, не спешили расходиться. словно по сговору, они потянулись к телефонам, наводя камеры на высокую, стройную фигуру лектора.

Вэнь Цинлинь не подавал виду, что замечает это повышенное внимание, и спокойно собирал со стола принесенные для демонстрации картины. Лишь когда прямо перед лицом внезапно вспыхнула фотовспышка, он невольно нахмурился, поднял взгляд и негромко попросил:

— Пожалуйста, выключите вспышку. Спасибо за понимание.

— Извините, извините, я нечаянно! — поспешно запричитал виновник. — Уже выключил!

Это был молодой парень, с ног до головы одетый в дорогие брендовые вещи. Пока он оправдывался, его приятели по бокам тихонько прыскали со смеху и шушукались:

— Надо же, второй молодой господин Чжоу решил привлечь внимание великого художника Вэня таким глупым приемом?

— Заткнитесь, — огрызнулся тот, не отводя глаз от экрана телефона, где в кадре красовался Вэнь Цинлинь. — С чего бы мне трусить? Я правда случайно нажал...

Говорили они вполголоса, но сидели слишком близко к лектору, так что их перепалка до последнего слова долетела до ушей Вэнь Цинлиня. Однако на лице художника не дрогнул ни один мускул, будто он ничего не услышал.

Наконец публика зашевелилась. Одна из девушек, набравшись смелости, подошла ближе и

робко спросила, нельзя ли получить автограф. Вэнь Цинлинь едва заметно кивнул, и возле стола тут же выстроилась длинная очередь из парней и девушек.

— Вы мне тут галерею в фан-встречу не превращайте, а? — раздался из глубины зала мягкий, сдерживающий смех мужской голос.

Девушка, первая попросившая автограф, обернулась и шутливо отпасовала:

— Босс Тун, вам за такое дело нужно памятник при жизни поставить! Только благодаря вашей доброте мы вообще смогли увидеть учителя Вэня на подобном мероприятии!

И она ничуть не преувеличивала. Любой, кто хоть немного интересовался искусством, знал: Вэнь Цинлинь на дух не переносит творческие тусовки, лекции и художественные салоны. Его сегодняшнее появление здесь было настоящим чудом. Впрочем, затворнический образ жизни никак не мешал популярности его картин — да и его самого, если уж быть честными.

«Боссом Туном» звали Тун Нина — владельца галереи и, по совместительству, ближайшего друга Вэнь Цинлиня. Пока они переговаривались, он подошел к столу и, весело прищурившись, подмигнул девушке:

— Ну, договорились! Я уж постараюсь вытащить его к вам еще пару раз.

Очередь дружно отозвалась восторженным гулом. Девушка бережно, обеими руками приняла подписанный альбом из рук Вэнь Цинлиня.

— Спасибо огромное, учитель Вэнь! — покрасневшись, поблагодарила она, после чего обернулась к Тун Нину: — Тогда вся надежда на вас, босс Тун!

Счастливая, она прижала альбом к груди и поспешила к выходу.

Следующим подошел парень. Протягивая свой скетчбук, он взволнованно заговорил:

— Учитель Вэнь, ваши «Журавли тушью» на стене в главном зале — это нечто невероятное! Просто шедевр, глаз не оторвать!

— А то! — не дав Вэнь Цинлиню и слова вставить, с гордостью вклинился Тун Нин. — Эта стена — главное сокровище моей галереи!

И тут он тоже не кривил душой. За первый месяц работы галереи толпы посетителей приходили сюда исключительно ради росписи Вэнь Цинлиня, и каждый уходил в полном восторге.

Художник тем временем закончил выводить аккуратные иероглифы своего имени, вернул блокнот владельцу и негромко обронил:

— Вы мне льстите.

Минут через двадцать зал почти опустел. Удовлетворенные поклонники разошлись, и у длинного стола остались лишь пятеро парней — тот самый второй молодой господин Чжоу со своей свитой верных бездельников.

— Эй вы, если тоже хотите автографы, шевелитесь, — поторопил их Тун Нин. — Учителю Вэню пора обедать.

Один из парней прыснул со смеху:

— Да нам автограф без надобности. Наш Чжоу-второй нацелился на кое-что поинтереснее!

Последние слова он заговорщицки понизил до шепота.

Второй молодой господин Чжоу с силой пихнул шутника локтем в бок и сквозь зубы прошипел:

— Завали рыло! Сами же только что трындели, что к учителю Вэню опасно подкатывать, им можно только издали любоваться?

— Ну, одно дело трындеть, — подначил его другой приятель. — Но ты же сам хвастался, что не из трусливых? Раз смелый, чего стоишь?

— Во-во, слабо, что ли? — тут же затянули остальные, превратившись в слаженный хор подстрекателей. — Слабо? Слабо? Слабо?..

В опустевшем зале голоса звучали отчетливо. Вэнь Цинлинь слышал каждую фразу, но даже бровью не повел. Он спокойно поднес фарфоровую чашку к губам, допил остатки остывшего чая и уже собирался уходить.

Но стоило доньшку чашки с тихим стуком коснуться стола, как Вэнь Цинлинь поднял глаза и увидел, что второй молодой господин Чжоу, поддавшись на слабо, все же нерешительно шагнул в его сторону.

Вэнь Цинлинь приоткрыл рот, собираясь вежливо попрощаться, но парень поспешно откашлялся и выпалил заранее заготовленную фразу:

— Э-э... Учитель Вэнь, ваша сегодняшняя лекция о пейзажах была безумно интересной! Я

правда загорелся этой темой. Не окажете ли мне честь разделить со мной обед? Мы могли бы подробнее обсудить живопись шаньшуй.

— Он правда в полном восторге, я свидетель! — тут же подал голос один из группы поддержки.

— И я подпишусь!

— Да-да, он всю лекцию глаз с вас не сводил... то есть с ваших картин! — поддакивали дружки.

— Благодарю за приглашение, но вынужден отказать, — спокойно ответил Вэнь Цинлинь. Он посмотрел парню прямо в глаза, проигнорировав плескавшееся в них откровенное вождение. Отказ прозвучал сухо и безапелляционно. — На обед у меня запланирована встреча с супругом.

Его взгляд оставался холодным и безучастным, без малейшего намека на кокетство или неловкость.

Слова «мой супруг» произвели эффект разорвавшейся бомбы — в зале мгновенно воцарилась гробовая тишина.

Спустя долгие секунды второй молодой господин Чжоу, густо покраснев, выдавил из себя:

— Что ж... тогда до следующего раза!

Он неловко кивнул Тун Нину и буквально пулей вылетел из комнаты. Приятели переглянулись и, не проронив больше ни слова, бросились догонять своего незадачливого предводителя.

Наконец в просторном зале остались только Вэнь Цинлинь и Тун Нин.

Проводив взглядом сбежавшую компанию, Тун Нин закатил глаза и фыркнул:

— Надо же, «загорелся он темой шаньшуй»... Этот клоун до самого выпуска из школы умел рисовать только черепашек на партах. Смешно слушать.

Очевидно, Тун Нин прекрасно знал всю эту компанию. Высший свет Хайчэна был тесен: все они принадлежали к касте золотой молодежи и учились в одних и тех же элитных заведениях — от детского сада до старшей школы.

— Прекрасно понимаешь, что картины его волновали меньше всего, — равнодушно отозвался Вэнь Цинлинь, не придавая значения инциденту.

Тун Нин покачал головой и цокнул языком:

— Ну и ну. Я же говорю, ты у нас ходячее бедствие. Одинаково сводишь с ума и парней, и девчонок.

Из-за холодного нрава Вэнь Цинлиня большинство обожателей держались на почтительном расстоянии, прекрасно понимая, что фамильярности он не потерпит. Но время от времени находились отчаянные безумцы вроде второго молодого господина Чжоу, которые под действием чужих подначек шли напролом. Их не останавливало даже то, что художник давно и прочно женат.

Вэнь Цинлинь усмехнулся:

— Ты повторяешь эту фразу уже лет десять. Придумал бы хоть что-нибудь поновее.

Они сдружились еще на первом курсе университета, когда делили одну комнату в общежитии, и с тех пор Тун Нин не уставал сокрушаться по этому поводу.

Однако в этот раз у Тун Нина нашелся козырь в рукаве.

— А у меня есть кое-что новенькое! — Тун Нин вспомнил, с каким ледяным безразличием его друг только что козырнул статусом женатого человека, и недоуменно повысил голос: — Я думал, ты еще лет до сорока будешь разбивать сердца направо и налево. С чего вдруг этот скоропалительный брак? Да еще и с Шэнь Тинюанем!

Он до сих пор в красках помнил тот день месяц назад, когда узнал эту новость. От шока Тун Нин выронил из рук коллекционную антикварную подставку для кистей, которой так дорожил его дед. Старик потом еще две недели читал ему нотации!

Заслышав о своем замужестве, Вэнь Цинлинь слегка изогнул бровь и с мягкой улыбкой поинтересовался:

— С «таким» человеком? И что же, по-твоему, не так с Шэнь Тинюанем?

Тун Нин на мгновение замялся, и выражение его лица стало весьма озадаченным.

— В том-то и дело, что всё так, — пробормотал он.

И это не было сарказмом.

Любой, кто знал Шэнь Тинюаня — нынешнего главу могущественной корпорации Шэньюй,

стоявшей на самой вершине финансовой пирамиды страны, — безоговорочно согласился бы с этой оценкой. Среди сверстников своего круга Шэнь Тинюань всегда был непревзойденным эталоном, образцовым ребенком и завидным преемником.

Мало того, что природа одарила его внешностью и статью, которым позавидовали бы профессиональные актеры и модели, так еще и деловая хватка у него оказалась железной. Пока другие золотые мальчики прожигали жизнь в клубах, двадцатитрехлетний Шэнь Тинюань принял бразды правления огромной корпорацией из рук своего дяди. За последующие пять лет он благодаря жестким, выверенным решениям вывел компанию на новые вершины, раз и навсегда заставив замолчать скептиков и укрепив свое положение лидера.

Возглавив корпорацию в столь юном возрасте, Шэнь Тинюань не растерял самообладания и не поддался высокомерию. Напротив, он оставался образцом сдержанности, безупречных манер и делового этикета. Ни единого грязного слуха, ни одной скандальной сплетни за все годы. Верхняя пуговица его рубашки всегда была застегнута, а поговаривали, что на досуге он предпочитает исключительно чайные церемонии и каллиграфию.

— Но неужели ты не видишь, что он похож на какого-то бесчувственного робота? — запричитал Тун Нин. — Такое чувство, что он даже улыбается по транспортиру, строго выверяя градус вежливости! Ты у нас сам не самый эмоциональный парень на земле, а с этим киборгом... Я вообще не представляю, как вы сосуществуете под одной крышей. Вы там общаетесь фразами вроде: «Да, конечно», «Благодарю вас», «Будьте так любезны»? От одной мысли тоска берет, никакой искры!

Вэнь Цинлинь тихо рассмеялся. Лениво коснувшись пальцем ручки пустой фарфоровой чашки, он небрежно бросил:

— Мне скоро двадцать восемь, а не восемнадцать. К чему этот подростковый накал страстей?

Тун Нин поперхнулся, но быстро нашелся:

— Когда тебе было восемнадцать, ты тоже буйным темпераментом не отличался...

За десять лет дружбы Вэнь Цинлинь ни капли не изменился — он оставался все таким же безмятежным и прохладным, под стать собственным акварелям.

Художник не стал спорить.

— Моя часть работы на сегодня выполнена, так что я пойду, пожалуй, — сказал он, меняя тему.

Тун Нин удивленно моргнул, вспомнив недавний отказ второго молодого господина Чжоу.

— Погоди, так ты не соврал? У вас правда совместный обед с Шэнь Тинюанем?

— Нет, — покачал головой Вэнь Цинлинь. — Но дома действительно ждут дела.

Тун Нин не стал развивать тему. За долгие годы он научился уважать личные границы своего друга, которые тот очерчивал весьма жестко.

Вэнь Цинлинь направился к выходу, но успел сделать лишь пару шагов, как Тун Нин окликнул его:

— Стой, самое главное забыл! — Он быстро догнал друга и протянул ему стильный, нарядно оформленный бумажный пакет. — Твой гонорар за сегодняшнее выступление. Та самая аньхойская тушь, которую ты искал. Еле выпросил у деда из закровов, считай это моим поклоном великому художнику Вэню! А еще положил туда редкий чайный блин — презент вам с супругом, раз уж вы оба ценители. Кстати, о чае: узнал, что я заварил тебе перед лекцией?

Вэнь Цинлинь действительно пришел сегодня исключительно ради дружеской поддержки новой галереи Тун Нина.

— В таком случае не откажусь, — с улыбкой ответил он, принимая подарок. На секунду он задумался, воскрешая в памяти вкус недавнего напитка, и уверенно добавил: — Пуэр, чай Маньсун.

Тун Нин восхищенно поднял большой палец вверх, после чего снова покачал головой:

— Да уж... Теперь я отчетливо вижу вашу семейную идиллию с Шэнь Тинюанем. Чайные церемонии, каллиграфия, живопись, стихи при свечах... Полное погружение в эпоху династии Тан!

Вэнь Цинлинь на мгновение лишился дара речи, но все же хладнокровно отрезал:

— Мы, вообще-то, живем в двадцать первом веке.

Не обращая внимания на залиvistый хохот Тун Нина, он зашагал к выходу.

Уже у самой двери Тун Нин крикнул ему вслед:

— Слушай, ты ведь сегодня без машины? Давай я тебя подброшу?

— Не нужно, — не оборачиваясь, Вэнь Цинлинь лениво махнул свободной рукой. — Поймаю такси.

Обычно Вэнь Цинлинь передвигался на собственном автомобиле. Но это воскресное утро

выдалось необычным: ему нужно было рано приехать на лекцию, а у Шэнь Тинюаня как раз наметились неотложные дела в офисе. Поскольку время выезда совпало, супруг настоял, чтобы водитель сначала доставил художника в галерею.

Перед тем как расстаться у входа, Шэнь Тинюань попросил предупредить его за полчаса до окончания лекции, чтобы прислать машину назад, однако Вэнь Цинлинь решил не беспокоить занятого человека.

Выйдя на шумную улицу, он достал телефон и запустил приложение такси.

Но не успел он вбить адрес, как аппарат завибрировал в руке. На экране высветилось имя мужа.

Вэнь Цинлинь нажал на кнопку приема и произнес своим привычным, слегка отстраненным тоном:

— Генеральный директор Шэнь?

Случайный свидетель вряд ли догадался бы, что этот прохладный официальный тон обращен к законному супругу.

Однако собеседник на том конце провода давно привык к подобному обращению. Из динамика донеслось негромкое «мгм», а следом послышался глубокий, мягкий голос:

— Учитель Вэнь, вы освободились?

— Да, — лаконично подтвердил тот. — Только что вышел из галереи.

— Отлично. Пожалуйста, подождите пару минут у дороги, — ровно проинструктировал Шэнь Тинюань. — Сяо Чжан сейчас как раз неподалеку, он заберет вас и отвезет домой.

Сяо Чжан был личным водителем Шэнь Тинюаня.

Вэнь Цинлинь засомневался, было ли это совпадение случайным или же супруг заранее все спланировал, однако расспрашивать не стал. Отказываться от поездки тоже не имело смысла, поэтому он коротко согласился:

— Хорошо, подожду у обочины. Спасибо, извини за хлопоты.

Произнеся последнюю фразу, он внезапно осекся.

«Вы там общаетесь исключительно вежливыми штампами?»

Слова Тун Нина невольно всплыли в памяти, заставив Вэнь Цинлиня тихо хмыкнуть. Пожалуй, со стороны их общение и впрямь меньше всего походило на разговоры любящей семейной пары.

Из трубки донеслось сухое и вежливое: «Не стоит благодарности», а затем, после короткой паузы, полный легкого недоумения вопрос:

— Что-то случилось?

В голосе Шэнь Тинюаня прозвучали редкие нотки нерешительности.

Вэнь Цинлинь легонько постучал пальцами по корпусу телефона и, мгновенно посерьезнев, ответил:

— Ничего.

Не давая мужу возможности расспрашивать дальше, он добавил:

— Занимайся своими делами. Как буду дома, напишу.

Это был прозрачный намек на то, что разговор окончен. Но ожидаемого согласия не последовало. Трубка молчала.

Подождав пару секунд, Вэнь Цинлинь удивленно позвал:

— Генеральный директор Шэнь?

Только тогда из динамика наконец донеслось глуховатое:

— Хорошо.

Голос его показался заметно ниже, чем обычно. Решив, что муж просто погружен в рабочие документы, Вэнь Цинлинь не стал придавать этому значения. К тому же к обочине как раз мягко подкатила утренняя «Майбах S680», так что он с легким сердцем нажал отбой.

Машина плавно затормозила. Не дожидаясь, пока водитель выйдет и услужливо распахнет перед ним дверь, Вэнь Цинлинь сам потянул ручку и скользнул на заднее сиденье.

Сяо Чжан полуобернулся к нему с вежливой улыбкой:

— Добрый день, господин Вэнь.

— Добрый день, — отозвался художник, устало откидываясь на мягкую кожаную спинку.

Видимо, подчиненные со временем перенимали повадки своего босса: Сяо Чжан, как и Шэнь Тинюань, отличался подчеркнутой аккуратностью и крайней молчаливостью. Поскольку сам Вэнь Цинлинь тоже не любил пустую болтовню, за всю дорогу они больше не проронили ни слова.

Через полчаса они уже въезжали на подземную парковку элитного жилого комплекса в центре города. Огромный пентхаус Шэнь Тинюаня располагался в тихом, скрытом от городского шума переулке.

Оказавшись в прихожей, Вэнь Цинлинь первым делом отправил мужу сообщение из четырех слов: «Я добрался до дома». После чего отложил телефон, вымыл руки и переоделся в легкий домашний костюм графитового цвета.

Захватив принесенный из галереи пакет, он прошел в свою просторную мастерскую. Аккуратно распаковав подарок Тун Нина, Вэнь Цинлинь извлек обернутый в шелковую бумагу брусок анхойской туши. Приоткрыв край упаковки, он с профессиональным интересом осмотрел драгоценную вещь, удовлетворенно кивнул и, бережно завернув ее обратно, убрал на полку застекленного книжного шкафа, где уже покоилась внушительная коллекция старинных тушевых брусков.

Следом из пакета появился плотный прессованный чайный блин. Повертев его в руках, Вэнь Цинлинь задумчиво прищурился и оставил его на письменном столе — он решил отдать его Шэнь Тинюаню лично, когда тот вернется. Затем он вернулся в прихожую за мобильным.

На экране светилось непрочитанное сообщение от мужа, отправленное около десяти минут назад:

«Что бы ты хотел на обед? Я могу заказать доставку из ресторана».

Вэнь Цинлинь без колебаний набрал ответ:

«Спасибо, не нужно. Я сам что-нибудь выберу».

Дело было вовсе не в излишней скромности или неловкости перед мужем — просто Вэнь Цинлинь не привык к гиперопеке. К тому же вкусы у них кардинально различались. Шэнь Тинюань предпочитал исключительно пресную, здоровую пищу, и все его любимые заведения специализировались на диетических блюдах. Художника же от одного вида подобного меню

клонило в сон.

Отправив сообщение, он закрыл мессенджер и, проигнорировав контакты дорогих закрытых клубов, зашел в обычное приложение доставки. Владелец утонченной, поистине неземной внешности, парящий где-то в высших сферах искусства, Вэнь Цинлинь лениво пролистал список ресторанов и уверенно выбрал популярную сычуаньскую забегаловку, чьи отзывы пестрели восторженными: «Остро так, что искры из глаз!», «Настоящий пожар!».

Оформив заказ, он подошел к массивному винному шкафу у противоположной стены. Не удостоив и взгляда верхние полки, заставленные коллекционным чаем, Вэнь Цинлинь уверенно открыл нижнее отделение и достал тяжелую бутылку текилы.

Существует множество способов пить этот крепкий мексиканский алкоголь, но Вэнь Цинлинь признавал только один — чистый, с парой кубиков льда. Ему нравилось набрать обжигающую жидкость в рот, подержать несколько секунд, пока язык не начнет приятно неметь, и лишь затем медленно глотнуть. Огненная волна прокатывалась по пищеводу, оставляя после себя приятное жжение. Никто из его окружения и представить себе не мог, что этот утонченный, прохладный юноша обожает ядреную сычуаньскую кухню и крепкий алкоголь.

С бокалом в руке он вернулся в мастерскую. Вместо того чтобы устроиться за мольбертом, он с комфортом устроился в мягком бескаркасном кресле в углу комнаты, непринужденно вытянув одну ногу и согнув в колене другую.

Водрузив ноутбук на колени, Вэнь Цинлинь открыл крышку, дождался загрузки системы и вошел в свой аккаунт на Вэйбо. Спустя мгновение холодное свечение монитора озарило его лицо, подчеркивая совершенные, словно высеченные из мрамора черты. В этом бледном сиянии он выглядел еще более отстраненным, словно оживший персонаж старинной легенды.

Вот только содержание открытой вкладки разительно контрастировало с его возвышенным обликом. На экране светился отнюдь не эскиз нового пейзажа, а нечто куда более плотское, чувственное и откровенное. Это была веб-манхва, и в центре сюжета находились двое мужчин.

Тот, что повыше и покрупнее, красовался в распахнутой кожаной куртке, излучая дикую, хищную маскулинность. Второй же был одет в строгую белую рубашку и классические брюки.

На развороте брюнет в кожанке грубо прижимал партнера к широкому подоконнику эркерного окна. Колено его согнутой ноги упиралось точно между лопаток пленника, намертво блокируя любые попытки вырваться.

Мужчина в белой рубашке бессильно уронил голову, так что растрепанная челка скрывала его лицо. Верхние пуговицы на его воротнике были безжалостно вырваны, обнажая изящную шею и край бледной груди.

Но самое интересное заключалось в том, куда делся его галстук. Тонкая полоска шелка теперь

туго стягивала его запястья, заломленные за спину.

«Мой дорогой художник, неужели мне нужно обращаться с тобой именно так, чтобы ты наконец удостоил меня взглядом?»

Такова была реплика доминанта.

Вэнь Цинлинь поднес бокал к губам и сделал глоток. Его взгляд замер на этой строчке. Спустя мгновение его горло дрогнуло, пропуская обжигающую влагу, а в обычно бесстрастных глазах вспыхнул странный, лихорадочный блеск, который он никогда не позволил бы увидеть посторонним.

Почувствовав, как алкоголь приятно согревает нутро, Вэнь Цинлинь скользнул взглядом ниже — туда, где на экране были изображены связанные запястья жертвы. Художник, нарисовавший эту сцену, проявил поразительное внимание к деталям: на нежной коже у основания ладоней явственно проступали багровые следы от натяжения ткани.

Вэнь Цинлинь заворуженно смотрел на эти отметины. Затем медленно моргнул и, повинувшись какому-то неосознанному порыву, обхватил пальцами собственное запястье, слегка потирая кожу.

<http://bllate.org/book/20550/2105653>